Молодежь Грузии
г. Тбилиси
30 ИЮЛ 1980

Александр Галич. В конце семидесятых его песни знал каждый дворовый гитарист. У многих это имя ассоциировалось со словом «измена» — уж очень часто оно мелькало в передачах различных «голосов». Сегодня стихи Галича публикуют самые популярные журналы, вновь звучат его песни.

Возвращение

Родился Александр Аркадьевич Галич в 1918 году в Днепропетровске, в 19 лет окончил театральное училище. Работал актером, режиссером, успешно занимался литературной деятельностью. В Великую Отечественную войну Галич — актер фронтового театра. Им написаны пьесы «Город на заре», «Вас вызывает Таймыр», сценарии ряда фильмов, в их числе «Верные друзья», «На семи ветрах», «Государственный преступник». В послевоенные годы А. Галич был принят в Союз писателей и Союз кинематографистов СССР.

В середине 60-х начинается второй этап жизни Галича, связанный, с одной стороны, с его стремлением проанализировать и осмыслить свою молодость, эпоху 30—40-х годов. А с другой стороны, увлечение сочинительством авторских песен. Но эта сторона творчества Галича в то время официального признания не получила. Его песни распространялись в магнитофонных записях, да и по своему критическому, а порой и остросатирическому содержанию не могли рассчитывать в те годы на официальное признание.

Постепенно обозначился конфликт между ним и руководителями творческих союзов. К этому прибавились и семейные неурядицы. В 1974 году Галич, исключенный из СП и СК СССР, ходатайствовал о выезде в Израиль, якобы для воссоединения с родственниками. Разрешение на выезд ему было предоставлено, и он покинул нашу страну. Но в Израиль не поехал, а остался в ФРГ.

В Западной Европе Галич не нашел себя ни как писатель, ни как поэт, ни как драматург, ни как кинематографист. Используя трудное материальное положение Галича, враждебные нашей стране силы прибрали его к рукам и вынудили участвовать в активных антисоветских кампаниях. Галич вступил в члены печально известной антисоветской организации Народно - трудовой союз (НТС). Принял предложение директора радиостанции «Свобода» стать советником по культурным вопросам.

Вскоре после этого назначения Галич начал тяготиться общением, как он говорил, «с бывшими», впал в депрессию, запил. Его хозяева сделали соответствующие оргвыводы: «Галич перестал хорошо работать». Принимается решение о его понижении и переводе рядовым сотрудником радио «Свобода» в Париже, где он попал под прямую опеку сотрудников ЦРУ В. Ризера и М. Ралиса. Галич пытается протестовать, но бесполезно. Как свидетельствовали его знакомые, он все настойчивее изъявлял желание «все бросить и хоть пешком идти на Родину».

Но вернуться ему было не суждено. 15 декабря 1977 года жизнь А. Галича оборвалась. Радиоголоса сообщили, что смерть наступила от поражения электрическим током в результате «неправильного включения антенны телевизора». Случайная смерть — таково официальное заключение медицины.

— (ТАСС).

* * *

Прилетает по ночам ворон,
Он бессонницы моей кормчий,
Если даже я ору ором,
Не становится мой ор громче.

Он едва на пять шагов слышен,
Но и это, говорят, слишком.
Но и это, словно дар свыше,—
Быть на целых пять шагов слышным!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

«Жалеть о нем не должно,
... он сам виновник всех
своих злосчастных бед.
Терпя, чего терпеть без
подлости — не можно...».
Н. Карамзин.

... Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
... Здесь мосты, словно кони, —
По ночам на дыбы!
Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!
Здесь, над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Что пойди — повтори!
Все земные печали —
Были в этом краю...
Вот и платим молчаньем
За причастность свою!
Мальчишки были безусы,
Прапоры и корнеты.
Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы?!
Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды—
Они ж по ночам:
«Отчизна!
Тираны! Заря свободы!»
Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко,
И весь их щенячий табор
Мне мнился игрой, и только.
И я восклицал:
«Тираны!»,
И я прославлял свободу,
Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду.
И в то роковое утро,
(Отнюдь не угрозой чести!)
Казалось, куда как мудро
Себя объявить в отъезде.
Зачем же потом случилось,
Что меркнет копейкой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?!
... Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...
Но я же кричал:
«Тираны!»
И славил зарю свободы!
Повторяется шепот,
Повторяем следы.
Никого еще опыт
Не спасал от беды!
О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?!
И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!
Где стоят по квадрату
В ожиданьи полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки?!

ЗАПОЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

По-осеннему деревья налегке,
Керосиновые пятна на реке.
Фиолетовые пятна на воде,
Ты сказала мне тихонько:
«Быть беде».
Я позабыл твое лицо,
Я пьян был к полдню,
Я подарил твое кольцо, —
Кому, не помню...
Я подымал тебя на смех,
И врал про что-то,
И сам смеялся больше всех,
И пил без счета,
Из шутовства, из хвастовства
В то — балаганье,
Я предал все твои слова
На поруганье.
Качалась пьяная мотня
Вокруг прибойно,
И ты спросила у меня:
«Тебе не больно?»
Не поймешь — не то январь, не то апрель,
Не поймешь — не то метель, не то капель,
На реке не ледостав, не ледоход,
Старый год, а ты сказала — Новый год.
Их век выносит на-гора,
И — марш по свету,
Одно отличье — номера,
Другого нету!
О, этот серый частокол —
Двадцатый опус,
Где каждый день, как протокол,
А ночь, как обыск.
Где все зазря и все не то,
И все непрочно.
Который час, и то никто
Не знает точно.
Лишь неизменен календарь
В приметах века —
Ночная улица. Фонарь.
Канал. Аптека...
В этот вечер, не сумевший стать зимой,
Мы дороги не нашли к себе домой.
Я спросил тебя: «А может, все не зря?»
Ты ответила — старинным быть нельзя.

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И — свистите во все свистки!
И лопается терпенье,
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак.
Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!
Я выбираю Свободу, —
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю Свободу
Быть просто самим собой.
И это моя Свобода,
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота —
Как мне поладить с ней.
Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды.
Свобода казенной пайки,
Свобода глотка воды.
Я выбираю Свободу,
Я пью с нею нынче на «ты»
Я выбираю Свободу
Норильска и Воркуты.
Где вновь огородной тяпкой
Над всходами пляшет кнут.
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.
Но славно звенит дорога.
И каждый прикол, как храм.
А пуля весит немного —
Не больше, чем восемь грамм.
Я выбираю Свободу, —
Пускай груба и ряба,
А вы, валяйте, по капле
«Выдавливайте раба!»
По капле и есть по капле—
Пользительно и хитро,
По капле — это на Капри,
А нам — подставляй ведро!
А нам — подавай корыто,
И встанем во всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!
Я выбираю Свободу.
И знайте, не я один!
И мне говорит «свобода»:
«Ну, что ж, говорит, одевайтесь
И пройдемте-ка, гражданин».

ПАМЯТИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

«... Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года, на 71-м году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного».

Единственное, появившееся в газетах, вернее, в одной — «Литературной газете», — сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.

Разобрали венки на веники,
На полчасика погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!
И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге,
И с ума не сходил в Сучане!
Даже киевские «письменники»
На поминки его поспели!..
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!
И не то чтобы с чем-то за сорок,
Ровно семьдесят — возраст смертный,
И не просто какой-то пасынок,
Член Литфонда — усопший сметный!
Ах, осыпались лапы елочьи,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!
«Мело, мело, по всей земле, во все пределы.
Свеча горела на столе, свеча горела...».
Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!
А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!
И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу,
Голосованьем!
И кто-то, спьяну, вопрошал:
«За что? Кого там?»
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...
Мы не забудем этот смех,
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!
«Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку...»
Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры,
И несут почетный...
Ка-ра-ул!